

она подозревала в нем будущего алкоголика, позор семьи. Умрешь под забором! Пусть. Лишь бы Валя. Не без нее, не за нее. Вместо.

* * *

Тридцать лет спустя оң попал в Кишинев на пару дней, проездом. Другая страна, другой город, другой язык. Ключая ледяная латиница до неузнаваемости изменила круглый ласковый лепет его отрочества. Таксист, узнав, что он из Москвы, долго и сварливо жаловался на жизнь, вспоминал Советский Союз. Вот было времечко! Все просрали, гады. Посмотрел, ожидая сочувствия. Он отвернулся к окну. Гады были они с таксистом, других просто не существовало. Не стоит и искать. Улица Набережная чудом сохранила имя, все остальное невозможно было ни выговорить, ни узнать. Армянская, Болгарская, Пушкина, проспект Ленина. Все они умерли. Все. Осталась одна Валя.

Он свернул на ошупь, наугад, потом еще раз.

Магалы не было.

Старуха, все та же, кишиневская, важная, вышла из подъезда новой многоэтажки с ведром, полным воды. Газон зарос крепкими крестьянскими помидорами, болгарским перцем. Одурающе пахло горячей ботвой. Он спросил так же, как шел, — наугад. Первая попавшаяся улица его детства. Дружбы двадцать один. Воронеж. Тула. Брянск. Барнаул.

«Нет, милый, — сказала старуха на южный распев. — Это тебе не сюдой. Это тебе — тудой».

И показала рукой — куда.

Сергей Шаргунов Жук

Варя не хотела в этот лес.

Евгения Филипповна в свои семьдесят восемь преподавала на факультете биологии на кафедре зоологии беспозвоночных. Она была гнутая, полная, с внимательными мокрыми глазами и складчатой, но притом младенчески-розовой кожей. Варе было тринадцать — костлявая и кареглазая, с пестрыми волосами, рассыпанными по плечам. Мать уехала на обследование в Москву, и весь июнь, а теперь еще и половину июля Варя торчала в квартире у бабушки в их Кермоне, где в то лето все время лил дождь.

Утром старуха с треском раздвигала шторы и еще до завтрака гнала Варю под дождь, выдав листок со списком продуктов, — все образцовым почерком. К счастью, она разрешила забирать сдачу: Варя покупала жестянку с энергетическим напитком и выпивала его на улице, под козырьком магазина, торопливо закусывая шоколадным батончиком.

Дома она спасалась от скуки за компьютером. У бабушки был Интернет, но та пользовалась им мало: несколько утренних минут смотрела почту и еще заходила на какой-то отстойный сайт знакомого новосибирского биолога, узнать,